

Россия: нефть и народ Самая нищая среди богатейших стран мира

Николай Петраков

*Теоретический и политический журнал «Свободная мысль – XXI»,
№11 (1561), 2005 г., стр.15-22*

Если бы существовали инопланетяне, то у них наверняка существовала бы должность мелкого чиновника по наблюдению за финансово-экономическим положением обитателей планеты Земля.

Бюджетные дефициты США, Канады, стран Европейского Союза, государственный долг этих стран и непогашенные потребительские кредиты населения, очевидно, вызывали бы у этого чиновника пессимизм и сострадание. Но есть на Земле и счастливая страна, у которой намечаемый на будущий год профицит бюджета составляет более 776 миллиардов рублей (около 27 миллиардов долларов), золотовалютный резерв увеличивается на 3-4 миллиарда долларов в месяц и уже превысил 150 миллиардов долларов, а Стабилизационный фонд через год перевалит за 2 триллиона рублей. Эта страна - Россия. Она буквально пухнет от денег (причем свободно конвертируемых, а не нашлапанных на фабриках Гознака РФ). Россия с точки зрения макроэкономических параметров (кроме темпов инфляции) - самая благополучная страна в мире.

Эта макроэкономическая успешность российской экономики достигнута отнюдь не в результате рыночных демократических реформ, обеспечивших русское «экономическое чудо» подобно германскому или японскому. Никакой реструктуризации экономики на высокотехнологичной основе, никакого инновационного бума Россия в результате денационализации и разрушения плановой архаичной системы не только не получила, но, наоборот, научно-технологически деградировала.

«Русское чудо» пришло в нашу страну извне и вопреки усилиям реформаторов. «Кавалерийская атака» либерализации экономики кончилась в августе 1998 года дефолтом, то есть обвалом курса рубля, почти полным параличом системы коммерческих банков, банкротством ростков малого и среднего бизнеса, всплеском коррупции и криминала. Рыночная инфраструктура России, которую пестовали либеральные демократы с 1992-го по 1998 год, рухнула в одночасье.

Но парадокс истории заключается в том, что банкротство идей не сопровождалось отставкой их носителей. И вот почему: в середине 1998 года средняя мировая цена барреля нефти составляла 12,4 доллара, а доллар оценивался Московской межбанковской валютной биржей в 6 рублей. В 2005 году мировая цена нефти крутится вокруг 60-70 долларов за баррель, а российская цена доллара возросла более чем в 4,5 раза. К российским реформам все это не имеет никакого отношения.

Более того, золотовалютный дождь, обрушившийся на Россию в результате взрыва конъюнктуры на мировом нефтяном рынке, оказался явно не по душе нашим реформаторам. От них - начиная с помощника президента по экономике Илларионова и заканчивая министрами, лично отвечающими за укрепление экономики, Грефом и Кудриным, - российская общественность неоднократно слышала, что инвестиционные возможности России не позволяют переварить сколько-нибудь значительные валютные накопления. Что доходы от нефтегазового комплекса следует «стерилизовать» и не пускать в реальный сектор экономики. Что развитие социальной среды, здравоохранения, образования, науки должно финансироваться только по остаточному принципу, после размещения (стерилизации) основной массы российских нефтедолларов в западных банках под минимальные проценты. Единственно на что годны, по мнению руководителей экономического блока правительства РФ, сотни миллиардов долларов, вырученных за российское сырье, - это на погашение внешних долгов.

Министр финансов горд, что уговорил Парижский клуб досрочно принять у России 15 миллиардов долларов в погашение прежних долгов. Некоторое количество денег Россия экономит на выплате процентов по кредитам. Эти деньги Кудрин приплюсует к Стабилизационному фонду, и ни один инвестиционный проект их не получит, как не получит их и никто из предпринимателей, работников науки, врачей, бездомных детей и стариков. Ни одного доллара из списанных на Запад 15 миллиардов.

Но главное даже не в этом. Под какие проекты российские правители брали кредиты у МВФ и Парижского клуба? Где список и смета предприятий, на которые были истрачены кредиты? Их, по сути, и нет. Получение кредитов проходило в обстановке полного отсутствия программы реструктуризации материально-технической базы российской экономики, повышения ее внутренней и внешней конкурентоспособности. Кредиты выделялись, как правило, на поддержание крайне низкого курса доллара. В условиях высокой инфляции в середине 1990-х годов спрос на доллары был почти ажиотажным со стороны как бизнеса, так и населения. Политика поддержания стабильно высокого курса рубля на троне быстрого инфляционного роста российских цен требовала постоянно возрастающих инъекций долларовой массы на межбанковской валютной бирже. Источником дополнительного предложения долларов при растущей рублевой экспансии могли быть только займы у международных финансовых организаций. Эти займы активно предоставлялись России и тут же выставлялись на валютную биржу.

Резиденты и нерезиденты обменивали рубли на доллары по смешному курсу 6 к 1 и переводили валюту в оффшорные зоны или использовали для импортных операций и спекуляций с ГКО, что приводило в дальнейшем к еще большему обогащению валютных спекулянтов. Короче говоря, эта схема, официально одобренная либеральными реформаторами, приводила к тому, что подавляющая часть западных кредитов практически мгновенно уходила опять на Запад, минуя реальный сектор экономики России.

Итак, ныне погашаются «крайне странные» кредиты, по касательной прошедшие по финансовому сектору России и растворившиеся в субъектах этого сектора одновременно с распадом банковско-финансовой системы в процессе дефолта и обвальной девальвации рубля. Эти кредиты разошлись по частным банкам и персонам бизнес-элиты, но легли тяжелым грузом прироста государственного внешнего долга. И именно этот «странный» долг, юридически и экономически нелегитимный (поскольку курс национальной валюты определяется в первую очередь покупательной способностью рубля, а не размером западных валютных кредитов), торопится отдать западным финансовым организациям «либеральная» часть российского правительства. Чтобы все было шито-крыто: мол, был какой-то странный долг на поддержку курса рубля в условиях его стремительного инфляционного обесценения, да уже погашен, уже стал историей, за которую правители несут моральную ответственность только в глазах внуков-правнуков. А гасится эта финансово-кредитная «панاما» за счет выручки от российского нефтедолларового комплекса, то есть из реального сектора экономики.

Шальные нефтедоллары очень кстати пригодились, чтобы прикрыть своеобразную метаморфозу западных кредитов в Россию, которую раздели дважды: сначала создали механизм увода кредитных ресурсов из российской экономики, а затем провели быстрое погашение этих долгов за счет доходов от продажи природных ресурсов страны. Этот междусобойчик западных финансовых кругов и «демократов-реформаторов» почему-то совершенно не вызывает беспокойства высшей политической элиты. Вновь реанимируемая «новая» демократическая оппозиция с помощью своих представителей в экономическом блоке нынешнего правительства частично уже расплатилась с Западом (и будет точно так же расплачиваться дальше) по тем кредитам, которые были ею же распределены между старой ельцинской гвардией. Это дает ей моральное право претендовать на новые кредиты под «оранжевую» или «сиреневую» революцию в России. А с чем остается высшая власть? С народом российским...

В России 32,5 процента населения имеют среднедушевой доход до 3000 рублей в месяц (около 100 долларов США), у 42,3 процента месячные доходы составляют от 3000 до 7000 рублей и только 25,5 процента получают в месяц более 7000 рублей. На долю 10 процентов наименее обеспеченного населения все последние годы приходилось только 2 процента общих доходов, в то время как 10 процентов наиболее обеспеченных граждан концентрировали у себя 30 процентов общего объема денежных доходов. При такой дифференциации доходов совершенно невозможно говорить о гражданском обществе, о национальной идее. Проблемы детской беспризорности, бедственного положения пенсионеров, инвалидов - это только одна и не главная (хотя очень существенная) часть проблемы. У нас пятая часть работающего (!) населения не может обеспечить себе прожиточный минимум (такова зарплата!).

Но и те, кто зарабатывает на уровне среднего дохода, не могут оплатить покупку квартиры (сопоставление средней зарплаты с минимальными ценами на квартиры свидетельствует о том, что сорокаметровую «двушку» человек может купить только через десять (!) лет, да и то при условии, что не будет тратить деньги на пропитание и не наденет на себя хомут процентов ипотечного кредита). А на покупку отечественного автомобиля среднеоплачиваемый работник должен копить два с половиной года.

Широкомасштабно, темпами, существенно опережающими номинальный рост доходов населения, внедряется платность лечения, образования, услуг ЖКХ. Примеры можно продолжать. Но и без них ясно, что в течение 10-15 лет в безумно богатой природными ресурсами стране закладывается концепция стратегической нищеты российского народа.

В мировой практике такая политика является экономическим нонсенсом, Сошлемся на свидетельство крупного российского специалиста по мировому нефтегазовому комплексу О.Б. Брагинского*: «Страны - члены ОПЕК, особенно арабские, сделали огромные вливания нефтедолларов в свою экономику. Они сумели не только обеспечить рост нефтяного хозяйства, но и вложили средства в развитие производственной и социальной инфраструктуры, создание базовых отраслей (металлургия, электроэнергетика), стали углублять переработку нефти (нефтехимия). Была создана мощная банковская система, получил распространение международный туризм».

Власти Азербайджана заявили, что все доходы от продажи «черного золота» будут концентрироваться в специальном нефтяном фонде. Страна намерена использовать средства этого фонда исключительно на избавление Азербайджана от "нефтяной иглы". Теми же принципами уже много лет практически руководствуется маленькая, но исключительно капиталистическая Норвегия.

Такова логика большинства нефтеэкспортирующих стран. Нефтедоллары не должны разворовываться или складываться в кубышку; они должны оперативно инвестироваться в стабилизацию экономики, ее реструктуризацию, расшивку узких мест, в развитие производственной и социальной инфраструктур.

Но у России есть иные примеры. наших руководителей, как магнитом, притягивает нигерийский опыт. Эта африканская страна получила от экспорта нефти около 350 миллиардов долларов, но имеет внешних долгов более 30 миллиардов долларов, низкий уровень жизни населения, социальную и политическую нестабильность, коррумпированность чиновников. И пока наши идеологи и политологи ищут формулу национальной идеи, Россию уже давно и упорно ведут к африканской модели общественного обустройства.

От экономики абсурда к справедливой рыночной конкуренции

Нынешнюю либерально-демократическую экономику России роднит с советской экономикой то, что ни та, ни другая не обеспечивает достойный (по международным

* О. Б. Брагинский. *Мировой нефтегазовый комплекс. Центр. экон.-мат. ин-т. - М.: Наука, 2004. - С. 86.*

стандартам) уровень жизни граждан нашей страны. От одного абсурдизма пытались уйти к другому, еще более вопиющему, - и пришли.

Мировой рынок подбрасывает нашим обанкротившимся реформам спасательный круг в виде сумасшедшего роста мировых цен на нефть. Казалось бы, надо хвататься за него и использовать конъюнктуру рынка. Ведь она относительно недолговечна.

Известно, что дефицит нефти (возникающий, когда ее потребление превосходит добычу), который может быть стратегически покрыт только импортом, в США составляет 570 миллионов тонн (данные 2003 года), в Европе - 650, в Китае - более 105, в Японии - около 500 миллионов тонн. А в России имеется профицит в 300 миллионов тонн!

Идет грандиозное межстрановое перераспределение доходов на нефтяном рынке. Мы оказались в очень выгодном положении (надолго ли?). Но это дает возможность не только залатать дыры бездумно проведенных реформ, но и сделать рывок в развитии высоких технологий, а главное - в формировании социально ориентированного цивилизованного внутреннего рынка. Вместо этого мы создаем огромный Стабилизационный фонд, намеренно раздуваем золотовалютный резерв, закладываем противоестественный для текущей мировой практики профицит бюджета, признавая, что для полноценного финансирования бюджетных сфер денег не хватает. Зачем все это делается?

Создание Стабилизационного фонда было крупной ошибкой правительства.

Есть понятие резервного фонда, стратегических запасов в материальной форме (так, например, существуют стратегические запасы нефти в США). Если же в Стабфонде лежат деньги или же ликвидные ценные бумаги, то в критической ситуации правительство выбрасывает эти деньги на рынок и инициирует инфляцию. Именно так было, когда через Стабфонд пытались как-то исправить грубейшие ошибки, совершенные при монетизации социальных льгот. Рациональное назначение денег, которые стерилизуются мертвым грузом в Стабфонде, - финансирование инновационных проектов и сфер деятельности, где возникла опасность техногенных катастроф и экологических бедствий. Такое финансирование создает новые рабочие места, увеличивает объемы производства товаров и услуг, то есть противодействует возникновению инфляционных процессов.

Одной из острейших проблем в России является практически полное отсутствие скоростных автомагистралей, соответствующих мировым стандартам. Страна в этой области отстала от Европы и Северной Америки практически на сто лет! Никакие частные компании не решают эту проблему. Она должна экономически инициироваться государством с широким привлечением частного бизнеса. Электроэнергетика объявила, что для стабилизации отрасли ей нужны инвестиции в размере 25 миллиардов долларов в течение пяти лет. Некоторые реформаторы требуют включить эту инвестиционную составляющую в тарифы на электроэнергию. Такой рост тарифов вызовет гиперинфляцию и резкое падение производства (что страна уже проходила в 1992-1996 годах). Но ведь эти деньги реально есть! Они ныне стерилизованы в Стабфонде, золотовалютном резерве, профиците федерального бюджета. Зачем же приватизировать генерирующие станции РАО «ЕЭС», в которые новый хозяин, может быть, не вложит и рубля?

А военно-космическая техника или производство экологически чистой продукции сельского хозяйства на экспорт и еще десятки инвестиционных проектов, на которые сегодня якобы нет денег. Почему? Ведь потенциальные возможности инвестировать экономику России за счет собственных средств сегодня существенно выше инвестиционных интересов Запада по всему посткоммунистическому пространству. Ответ прост: России извне навязана такая схема интеграции страны в мировое экономическое сообщество, при которой она обязана выполнять функции сырьевого придатка к высокотехнологичным экономикам. Поэтому, если у России нет денег, Запад сажает ее на «нефтегазовую иглу» и дорогие кредиты. Но если нефтегазовая игла по некоторому стечению обстоятельств превращается в нефтедолларовый фонтан, то российские деньги должны быть стерилизованы и отсечены от реальной экономики. Этой политической

идеологией зомбированы некоторые представители экономического блока Правительства РФ, как некогда они были очарованы вульгарно интерпретированной теорией монетаризма.

Однако, если исходить из канонов российского монетаризма, стерилизация доходов от экономической деятельности должна сопровождаться зеркальной стерилизацией расходов. Иными словами, замораживание значительной массы доходов фактически означает сжатие денежной массы, снижение совокупной покупательной способности участников экономического процесса. Но с позиции монетаризма такая политика должна зеркально приводить к снижению цен, к дефляции. Конечно, ныне у нас не такая высокая инфляция, как десять лет назад. Но при столь масштабном замораживании доходов страны, игнорировании инвестиционного спроса ее вообще не должно было быть. Плата за «антиинфляционную» правительственную политику слишком велика и, по существу, бесплодна.

Понимая эту бесплодность, правительственные чиновники внедряют в общественное сознание миф об укреплении курса рубля. Этот «крепнущий» рубль никак не связан с динамикой цен на внутреннем российском рынке в сопоставлении с аналогичными процессами в западных странах. Как может повышаться курс рубля по отношению к доллару или евро, когда инфляция в России в 4-6 раз выше, чем в США и Западной Европе? В каком обменном пункте Америки за 29 рублей нам дадут доллар? И почему Россия не требует с западных стран оплаты поставок за нефть и газ в рублях? Да потому, что курс Центробанка - искусственная, вне рыночная цена. Вместо Госплана наши либералы создали жестко централизованную политику курса рубля. Курс рубля назначается, а не является результатом конкуренции рыночных сил. В руководящей правительственной элите нет концепции того, как с таким курсом рубля вступать во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Уже до вступления в ВТО нашу экономику лихорадит в связи с конфликтом между ценовой политикой и политикой монопольного регулирования валютного курса. Особенно это проявляется в сфере нефтяного бизнеса. Представители последнего при поддержке либералов требуют максимального приближения цен на бензин к мировому уровню. Практически при нынешней курсовой политике это будет означать, что цена бензина вырастет, как минимум, вдвое.

Такой скачек цен вызовет по всем технологическим цепочкам спираль инфляции, что приведет к реальному обесцениванию рубля. Если Центробанк будет поддерживать стабильный курс рубля, что можно сделать только путем постоянных интервенций доллара на валютном рынке, мы будем наблюдать быстрое исчезновение золотовалютных резервов России. Если же рубль будет пущен в свободное плавание, то страну будут ждать гиперинфляционные процессы.

На самом деле российский внутренний рынок имеет специфические условия организации конкурентной среды. Объективно Россия не настолько интегрирована в мировой рынок, чтобы устанавливать прямую зависимость между мировыми и внутренними ценами, как бы этого ни хотелось многим западным и местным либералам. Конкуренцию на внутреннем российском рынке должны определять не столько динамика цен на нью-йоркской бирже или ураганы в Мексиканском заливе, сколько объем и структура платежеспособного спроса национальной валюты. Только тогда можно говорить о создании справедливого механизма конкурентной борьбы, об оптимизации структуры производства и потребления в соответствии с денежным спросом. Курс национальной валюты должен корректироваться не искусственным образом, а на основе паритета покупательной способности - как главного и экономически логичного фактора формирования межвалютных соотношений.

По классическим канонам монетаризма, доминантой при определении уровня цен является объем денежной массы и количество товаров или услуг, на которые предъявляется спрос. Поскольку структура экспортных и внутренних контрактов на

жидкое топливо достаточно стабильна и не может скоротечно меняться вслед за текущей конъюнктурой биржевых цен, постольку цена на бензин и ГСМ должна определяться реальным рублевым платежеспособным спросом потребителей. Кстати, среднестатистический обыватель на Западе может приобрести на свою зарплату бензина в 4-6 раз больше, чем россиянин. Поэтому весьма странными выглядят заявления о дешевизне российских нефтепродуктов на внутреннем рынке.

Если экономическая политика России предполагает переход страны на мировые ценовые стандарты, то это надо делать не по выборочным товарам и услугам, а комплексно. Особенно это относится к организации рынка труда. Отсутствие независимых профсоюзов, ограничение забастовок, отсутствие прямой материальной и уголовной ответственности работодателей за нарушение трудового законодательства, десятилетия тянущийся хвост задолженностей по заработной плате - все это признаки нецивилизованности рыночных отношений в России.

Деформация рынка труда, стерилизация инвестиционного рынка, отсутствие разумного компромисса между интересами бизнеса, власти и социальных гарантий населения превращают процесс посткоммунистического реформирования в топтание на месте и бессмысленный передел собственности.

Поэтому недавно сформулированная позиция Президента РФ по усилению социальной направленности российских реформ дает совершенно новый и правильный разворот для модернизации всей экономической политики страны в направлении обеспечения достойной жизни российского народа.